

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800029124-2

А. М. Ремизов и наследники: ремизовский реминисцентный пласт в романе Е. Водолазкина “Авиатор”

© 2023 г. Н. Л. Блищ

Доктор филологических наук,
профессор Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
КНР, 518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган,
Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1
ORCID ID: 0000-0002-3147-9099

blishch@list.ru

Резюме. В статье рассматриваются случаи переосмысления и преломления автобиографической прозы А.М. Ремизова в творчестве Е. Водолазкина. Книга “Взвихренная Русь” стала источником некоторых идей и материалом для воспоминаний героя романа Е. Водолазкина “Авиатор”. Когнитивные узлы воспоминаний героя связаны с реконструкциями постреволюционных событий — экономических и социальных неурядиц, разрухи и голода, т.е. с совокупностью мотивов, отраженных столетие назад во “Взвихренной Руси”. Кроме того, в романе “Авиатор” с опорой на автобиографически тексты Ремизова акцентируются символические образы “катастрофы”, “враждебного вихря”, “апокалипсиса” и мифологизируется образ А. Блока, который становится символом ушедшей эпохи Серебряного века. Попутно рассматриваются интертекстуальные переклички романа Е. Водолазкина с рассказом Е. Замятина “Пещера”, в котором также обнаруживаются следы влияния А. Ремизова.

Ключевые слова: А. Ремизов, Е. Водолазкин, металитературность, воспоминания, реминисцентные стратегии, стилевые приемы.

Для цитирования: Блищ Н.Л. А.М. Ремизов и наследники: ремизовский реминисцентный пласт в романе Е. Водолазкина “Авиатор” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 75–81. DOI: 10.31857/S160578800029124-2

A. M. Remizov and the Heirs: Remizov's Reminiscent Layer in E. Vodolazkin's Novel “The Aviator”

© 2023 Natallia L. Blishch

Doct. Sci. (Philol.), Professor of Shenzhen MSU-BIT University,
No. 1, International University Park Road, Dayun New Town,
Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, PRC
ORCID ID: 0000-0002-3147-9099

blishch@list.ru

Abstract. The article deals with cases of rethinking and refraction of the autobiographical prose of A.M. Remizov in the work of E. Vodolazkin. The book “Whirled Rus’” became a source of ideas and material for the memoirs of the hero of the novel “The Aviator” by E. Vodolazkin. The cognitive knots of the hero's memories are associated with reconstructions of post-revolutionary events — economic and social catastrophe, devastation and famine. In the novel “The Aviator” the symbolic images of “catastrophe”, “hostile whirlwind”, “apocalypse” are also accentuated and the image of A. Blok is mythologized, which becomes a symbol of the bygone era of the Silver Age. Along the way, the intertextual echoes of the novel with E. Zamyatin's story “The Cave” are considered, in which traces of the influence of A. Remizov are also found.

Key words: A. Remizov, E. Vodolazkin metaliterary, memoirs, reminiscent strategies, stylistic devices.

For citation: Blishch, N.L. A.M. *Remizov i nasledniki: remizovskij reminiscentnyj plast v romane E. Vodolazkina "Aviator"* [A.M. Remizov and the Heirs: Remizov's Reminiscent Layer in E. Vodolazkin's Novel "The Aviator"]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 6, pp. 75–81. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800029124-2

Одна из граней искусства писателя, обладающего серьезным филологическим багажом, связана с умением претворить свой исследовательский опыт в занимательный нарратив, нивелировав “академические” отсылки к источникам. При этом на уровне отдельных деталей связь с “прецедентными” текстами должна быть сохранена — чтобы оставить читателю возможность реконструировать реминисцентный механизм и тем самым найти в произведении дополнительное смысловое измерение. С этих позиций филологическая проза Е.Г. Водолазкина чрезвычайно привлекательна для исследователей, ищущих скрытые и явные интертекстуальные переклички¹. Роман “Авиатор” — это своеобразный металитературный калейдоскоп: в зависимости от читательского угла зрения меняется узор контекстов, и в этом роман напоминает корабль, который “сколочен из чужих досок” [6, с. 226].

Часть этих “досок”, на наш взгляд, сохраняет стилевые следы прозы А.М. Ремизова — писателя, остающегося “невидимкой” для значительной части даже опытных читателей. В романе Водолазкина “Авиатор” Ремизов мелькает и как самостоятельный эпизодический персонаж, и в облике других персонажей с характерными “птичьими” фамилиями. Кроме того, некоторые топографические подробности описываемых событий напрямую связаны с биографической легендой Ремизова.

Герой романа “Авиатор” Иннокентий Платонов родился в самом начале XX века. Он свидетель трагических событий революции и первых лет советской власти, оказался на Соловках, где подвергся экспериментальной заморозке. Спустя 70 лет героя воскрешают, но он не помнит своего прошлого. Весь нарратив строится на постепенно возвращающихся к персонажу воспоминаниях о событиях российской истории и о произведениях мировой литературы, прочитанных им прежде. Именно историко-литературный пласт помогает герою обрести собственную идентичность. В одном из интервью Иннокентий неожиданно вспоминает Ремизова:

¹ О металитературной природе письма Е. Водолазкина и интертекстуальных перекличках существует целый ряд интересных работ. См.: [1]; [2]; [3]; [4]; [5].

— А вы с **Блоком** разговаривали? — кричат из задних рядов.

< ... >

— **Видел его на поэтическом вечере**, — отвечаю, — но не разговаривал. **С Ремизовым разговаривал — в очереди. Он жил на 14-й линии...**

— О чем говорили?

< ... >

— Не помню. — Меня душит смех, но стараюсь сдерживаться. — **Я на 8-ю линию за провизией ходил, и он — на 8-ю. И я не знал, что он — Ремизов, потом только понял, по фотографии** [7, с. 132 (выделения здесь и далее мои — Н.Б.)].

Этот небольшой фрагмент дает ключ к разгадке авторских реминисцентных стратегий. Ремизов в эмигрантских книгах воспоминаний настойчиво прописывает свой последний адрес в России: один из фрагментов книги “Взвихренная Русь” так и называется: “*На углу 14-ой линии*”, а топографическая формула “*на Васильевском острове на 14 линии в доме Семенова-Тяньшаньского*” звучит рефреном. Переживаемая после 1917 года историческая травма передана в прозе Ремизова мнемоническим нарративом о коммунально-бытовом кризисе (отключение воды и отопления, перебои с освещением, тотальная разруха). Даже спустя 30 лет в книге “Петербургский буерак” он вспоминал: “*Зиму 1919 года мы вытерпели в нашей хорошей квартире в доме Семенова-Тян-Шанского на Васильевском Острове. Больше терпеть стало не под силу. Во “Взвихренной Руси” в рассказе “Труддезертир” полная картина нашего “жизия”*» [8, с. 223].

Герой Водолазкина не случайно вспомнил, что встречал Ремизова именно в очереди: мотив очереди в книге “Взвихренная Русь” звучит в тон заглавным эпохальным “вихрям” и бытовым катастрофам. Феномен очереди становится предметом философского осмысления Ремизова: “*...ведь стоишь, бывало, час и другой и вдруг спохватишься: из-за чего? Да из-за каких-то пяти-трех фунтов керосину или из-за четверки хлеба, чтобы сжечь или съесть и опять стать в очередь и снова терпеливо стоять.*” [9, с. 311].

Филологическая природа мышления обоих писателей превращает Петроград 1919 года в художественный коллаж, собранный из осколков исторических событий и снов, зарисовок городских пейзажей и бытовых сцен, лирических отступлений и металитературных вставок. Однако

автобиографический герой Ремизова — реальный очевидец и летописец событий, а потерявший память герой Водолазкина — скорее читатель, мучительно припоминающий книгу Ремизова. Условные пункты плана для исторической статьи Иннокентия Платонова заметнее всего перекликаются с Ремизовым по подбору и фактуре элементов (карточки, продовольствие, очереди, дрова, керосин), а иногда и по очевидным подробностям быта. В качестве иллюстрации сопоставим записи из дневника героя Водолазкина и текст книги Ремизова “Взвихренная Русь”, распределив их по конкретным категориям предметных деталей (в левом столбце — текст Водолазкина, в правом — Ремизова).

Продовольственные карточки

“Четыре категории получавших продуктовые карточки: Первая — рабочие. Это фунт хлеба в день. Вполне достаточно. Вторая — совслужащие, четверть фунта хлеба на день. Третья — неслужащие интеллигенты, всего восьмушка. Четвертая — буржуи. Тоже восьмушка, только на два дня. И ни в чем себе не отказывай...” [7, с. 37].	“I-ая категория — рабочие, II-ая категория — советские служащие, III-я — неслужащие интеллигенты, IV-я — буржуи. Буржуи, или вернее, бывшие буржуи получали восьмушку хлеба на два дня, интеллигенты — по восьмушке на день”. “Впоследствии и Гусевы, как советские служащие (понемногу все сделались советскими служащими!), переведены были во 2-ю категорию, и им полагалось по четверке в день, но пока что изволь быть доволен и восьмушкой!” [9, с. 299].
---	---

Керосин

“Долгие часы за керосином в Петрокоммуне” [7, с. 100]. “Лампы чаще всего не горели, электричество давали на пару часов в день. Делали керосиновые светильники” [7, с. 200].	“Завтра надо идти в Петрокоммуну за керосином, стоять долгие часы в очереди — а может, и откажут!” [9, с. 288]. “...электричество, которое давали на два часа, такое всегда желанное” [9, с. 313]. “...зажег лампадку, в лампадке не масло, а керосин” [9, с. 313]. “кухонная керосиновая лампа с закоптелым стеклом” [9, с. 300].
--	--

Коммуникации

“Зимой замерзали сливные трубы. Туалетом не пользовались, ходили в дворовые нужники” [7, с. 200]. “Вода не доходила до верхних этажей. Там воду запасали в ваннах. Набирали ванны до краев, а сами мылись в тазах” [7, с. 199].	“Когда наступила зима — мождёные морозы ударили — и в уборных замерзли трубы, нижние этажи стало заливать. «И вышло постановление Домкомбеда: “впредь не пользоваться уборными!”» [9, с. 322]. “(В ванне на верхних этажах держали воду: вода ведь подымалась только-только до 3-его этажа!)” [9, с. 322].
---	---

Дрова

“Разбирали деревянные строения на дрова. Двери межкомнатные распиливали” [7, с. 200].	“Топливом служили доски от деревянных домов — дома на слом давались на дом по числу квартирантов, которые сами должны были разломать дом и развезти на себе по квартирам всякий свою часть и, дома распилив, пользоваться — кроме этих досок дожигали мебель: столы, стулья, комоды, ну все, что ни попадет, деревянное” [9, с. 304].
---	---

Продовольствие

“лепешки из картофельных очистков”, “морковный или березовый чай” [7, с. 200].	«...всем, чем только могли, угощали: ... собственным изобретением — какими-нибудь лепешками из картофельной кожурки, и чаем, какой случался, — или “кавказский” или морковный или березовый или, еще такое было, какавелла — ни на что не похожее вроде спитого кофею» [9, с. 304].
---	--

В таблице зафиксированы лишь некоторые примеры, иллюстрирующие процесс авторской переработки очевидных ремизовских коммунально-бытовых мотивов, составивших исторический фон воспоминаний Иннокентия Платонова, героя романа Водолазкина.

Мотивы воровства дров и лепешек из картофельных очистков могли быть навеяны еще и отзвуками рассказа Е. Замятина “Пещера”. Угадывается тот же осенний Петроград 1919 года, который стремительно возвращается к Каменному

веку. В пещерном замятинском городе нет больше места культурному наследию и цивилизации. Метафора опещеривания человечества реализуется сюжетно: холод вынуждает героев заколотить все комнаты в квартире и переселиться в спальню, в центре которой — чугунная печь, требующая дров. Мартин “молот на кофейной мельнице **сушеную картофельную шелуху для лепешек**” и все время думал: “Где бы дров — где бы дров — где бы дров” [10, с. 543].

Мотив воровства дров трансформируется в нравственно-философский: в душе борются культурное (рояль, ноты с опусом Скрябина, книги) и пещерное. “Пещерный, скрипя зубами, подмял, придушил — и Мартин Мартиныч, ломая ногти, открыл дверь, запустил руку в дрова... полено, четвертое, пятое, под пальто, за пояс, в ведро — хлопнул дверью и вверх — огромными, звериными скачками” [10, с. 544], — так передана Замятиным драма одичания.

Сюжет “Пещеры” и облик главного героя произведения также связаны с образом Ремизова, которого автор рассказа считал своим учителем. Приметы ремизовского стиля — орнаментальная организация повествования, акцент на звукописи, тяготение к стилизации — очевидны и в ранних рассказах Замятина. Заметим, что ремизовские стиливые интонации отчетливо выражены и в творчестве других писателей из группы “Серапионовы братья”. Этому есть и отраженное в художественном тексте свидетельство. В романе Б. Пильняка “Машины и волки” (1924) зашифрованы события литературной жизни Петрограда 1917–1921 годов, причем писатели из группы “Серапионовы братья” в этом романе скрыты под масками. Замятин, который изучал ремесло кораблестроения в Англии, выведен под маской инженера Форста — “с лицом морехода”, курящего “нерусскую трубку”. Главный герой романа Пильняка Непомнящий (обратим внимание на семантику фамилии!) наделен чертами внешности Ремизова: “маленький, сухонький”, “говорит шепотком”, “ходит в женской шали, в валенках”, “очки на носу, без очков он не видит”, “волосы ершиком” [11, с. 20].

В книге Ремизова “Взвихренная Русь” сюжет о воровстве дров доверено передать одному из авторских двойников Гусеву:

Настя у нас, наша последняя прислуга <...> Вот и говорит она как-то вечером: “барин, постерегите!” Сначала-то я не понял, чего стеречь. А она показывает на черный ход к лестнице. Ну, я и пошел за ней. Стал в проходе, стою, караулю. В кухне чуть такой свет — керосиновая лампочка закопченная, около

носу не разберешь. А Настя вниз спустилась, понимаю — “по дрова”. <...> Я караулил, Настя спускалась на промысел. Сначала-то очень было неловко, а потом и ничего: *преодоле!* [9, с. 99].

Герой Ремизова не просто караулит на лестнице, пока домработница ворует дрова: так происходит опещеривание интеллигента (“преодоление” в себе норм морали). Для вхождения в новый большевистский мир, где царит хаос, а преступление стало нормой, нужно преодолеть безразличность по отношению к безнравственности. Вполне очевидно, что рассказанная Ремизовым своим более молодым коллегам история о воровстве дров могла послужить источником замысла рассказа “Пещера”.

Авторские двойники Ремизова, считавшего, что его фамилия связана с птицей ремез (*Remiz pendulinus*), как правило, маркированы птичьим кодом. Все они преодолевают испытание новым временем. Гусев испытывается воровством дров и соблазном получения советского паспорта. Во фрагменте “Труддезиртир” рассказывается история об авторском двойнике Скворцове — бедном соседе с верхнего этажа, ученом зоологе, который научился вместо масла зажигать в лампадке *керосин*. Скворцов наделяется авторскими портретными деталями (книгочей, маленький и сутулый, кутается в женские платки).

В свою очередь, герой Водолазкина Иннокентий вспоминает, как, стоя **в очереди**, он, закутанный в *бабушкин платок*, встретил некоего Скворцова:

Первый час все шутят и говорят о том, как трудно жить без *керосина*. *Керосина и дров*. На исходе третьего часа подходит *Скворцов*, каким-то образом мне знакомый. Поддерживая общую беседу, Скворцов говорит, что 1919-й год — худший в его жизни [7, с. 38].

Совершенно очевидно, что в мерцающей памяти авиатора Платонова образы Ремизова и Скворцова взаимозаменяемы. Как нам представляется, в писательско-филологическом мышлении Водолазкина персонажи Ремизова составляют компактную реминисцентную группу лиц, связанных отношениями текстологического родства с самим их автором. Скворцову Ремизова “вспомнилась вся лошадиная падаль, особенно на мостах, и подыхающие собаки — последние — ужасные” [9, с. 311]. Похожий мотив воспроизводится героем Водолазкина: “... на углу Большой и Невского долго лежала павшая лошадь, из крупа был вырезан кусок мяса” [7, с. 200]. Скворцов, появившийся в очереди в начале романа “Авиатор”, растворяется в метели: “Скворцов пожимает плечами, и с них слетает нападавший снег. Через

мгновение Скворцов сливается с метелью. Уходит легко, без спора. Уходит из моей жизни навсегда, потому что больше я его, кажется, не видел» [7, с. 39]. А по мере возвращения к герою памяти, Скворцов обращается в Ремизова: в конце романа, в интервью журналистам в здании Академии наук, Иннокентий говорит о том, что в очереди видел Ремизова, но понял, что он Ремизов, уже по фотографии.

Возвращаясь к процитированному фрагменту из романа «Авиатор», вспомним, что Блок и Ремизов в хрупком сознании Иннокентия также почти неразличимы. И эта мнемоническая игра берет начало из автобиографического нарратива Ремизова: мотив дружбы с Блоком составил основной мемуарный «капитал» книги, а мотив их ночных телефонных разговоров усиливает ее лирический подтекст. Название книги «Взвихренная Русь», в которой образ Блока играет ключевую роль, отражает ремизовский метафорический перенос «снежных вихрей», звучащих в лирике поэта, на всю историческую эпоху: «В каком головокружительном взвие вихря взвихрилась его душа! На какую ж высоту! И музыка...» [8, с. 331]. Ремизову были хорошо знакомы историософские настроения поэта: «... Мы те, от которых хоть раз в жизни надо, чтобы поднялся вихрь? Мы сами ждем от себя вихрей» [12, с. 231].

Восстанавливая в памяти историческое прошлое, Иннокентий Платонов также ощущает созвучие «взвихренной» судьбы Блока с эпохой потрясений начала XX века. Герой не случайно вспоминает о том, что выучил стихотворение поэта «Авиатор» и очень хотел поговорить с Блоком по телефону: «Для меня даже узнали номер телефона Блока, но я так и не позвонил. Этот номер я про себя днем и ночью повторял. Я и сейчас могу его назвать: 6-12-00» [7, с. 132].

Здесь видится еще одно реминисцентное подтверждение особой значимости наследия Ремизова для Водолазкина. Дело в том, что номер телефона Блока мог быть известен автору из переписки двух писателей, опубликованной в серии «Литературное наследство» («БЛОК — РЕМИЗОВУ», письмо от 09.10.1912): «Дорогой Алексей Михайлович. Как здоровье Серафимы Павловны? Одинокий говорил мне о ее болезни. Если бы можно было, я бы к Вам зашел как-нибудь на минутку. Верно, теперь нельзя. Скоро у меня будет телефон: 612-00. Только не говорите, пожалуйста, номера посторонним. Только Михаилу Ивановичу, если его увидите» [13, с. 112].

На формирование индивидуальных творческих стилей Ремизова и Водолазкина повлияло

страстное увлечение древнерусской книжностью, а также профессиональный опыт обработки исторических документов. Ремизов увидел историческую аналогию постреволюционным годам XX века в периоде Смуты конца XVI — начала XVII в. Все свои размышления о «смутном времени» он сопровождал ссылками на «Очерки по истории Смуты...» С.Ф. Платонова². Другая книга этого историка — «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» [15] — хорошо знакома Водолазкину, она неоднократно цитируется в его монографии [16]. Возможно, именно это повлияло на мотивацию выбора фамилии Платонов для главного героя «Авиатора».

Для героя романа Водолазкина важны переклички между 1990-ми и трагическим временем начала XX века: он проводит постоянные аналогии между эпохами (экономический и социальный кризис, высокая степень преступности, нравственная трансформация). Итак, филологические исследования Водолазкина и в особенности их медиевистская специфика обогатили его прозу практикой завуалированных фактологических включений, которые незаметны рядовому читателю, но открывают дополнительные интерпретационные возможности для читателя-филолога³. В том случае, если читательский опыт включает в себя знакомство с произведениями А.М. Ремизова, распознавание ремизовских реминисценций существенно расширяет горизонты понимания романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кучина Т.Г., Ахапкина Д.Н. «Конвертировать бытие в слово»: Homo scribens в прозе Евгения Водолазкина // Вестник Костромского государственного университета, 2016. Т. 22. № 6. С. 105–108.
2. Солдаткина Я.В. Мотивы прозы А.П. Платонова в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Rhema. Рема. 2016. № 3. С. 19–28.

² А.М. Грачёва: «Анализ ремизовского «Дневника» показал, что писатель постоянно листал монографию С.Ф. Платонова, ища в развитии событий прошлого разгадку смысла настоящего и прогноз на будущее» [14, с. 590–591].

³ Более широкому и обстоятельному разбору филологических стратегий Е. Водолазкина посвящена статья Марины Абашевой: «Прежде всего, Водолазкин эффективно использует опыт литературных предшественников. Однако его интертекстуальность — особого рода. Это не прямая цитатность, он расставляет знаки не иконические, но индексальные — то есть указывает на знакомый читателю опыт, который усиливает суггестивность его собственных текстов» [17, с. 40].

3. Неклюдова О.А. Карта контекстов. Роман Е. Водолазкина “Лавр” // Вопросы литературы, 2015. № 4. С. 119–130.
4. Петухова Е.Н. Литературный контекст романа Евгения Водолазкина “Авиатор” // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 49–55.
5. Чайковская И.И. Возвращение авиатора. Евгений Водолазкин. “Авиатор” // Знамя, 2017. № 2. [URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2017/2/vozvrashenie-aviatora.html>].
6. Мандельштам О.Э. Письмо о русской поэзии // Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; Коммент. П. Нерлера. М.: Худож. лит., 1990. С. 263–266.
7. Водолазкин Е.Г. Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 410 с.
8. Ремизов А.М. Собр. сочинений: В 10 т. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга, 2002. 592 с.
9. Ремизов А.М. Собр. сочинений: В 10 т. Т. 5: Взвихрённая Русь. М.: Русская книга, 2000. 688 с.
10. Замятин Е.И. Собр. сочинений: В 5 т. Т. 1: Уездное / Сост., подгот. текста и коммент. С.С. Никоненко и А.Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. 608 с.
11. Пильняк Б.А. Собр. сочинений: В 6 т. Т. 2. Машины и волки: Роман; Повести; Рассказы. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. 527 с.
12. Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: новые материалы и исследования: В 4 кн. Кн. 3. М.: Наука, 1982. 860 с.
13. Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: новые материалы и исследования: В 4 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1981. 414 с.
14. Грачева А.М. Между Святой Русью и Советской Россией: Алексей Ремизов в эпоху Второй русской революции // Ремизов А.М. Собр. сочинений. Т. 5: Взвихрённая Русь. М.: Русская книга, 2000. 688 с. С. 589–604.
15. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 372 с.
16. Водолазкин Е.Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.). СПб.: Пушкинский дом, 2008. 488 с.
17. Абашева М.П. Что значит быть знаковым писателем: Евгений Водолазкин в контексте русской прозы // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / Коллективная монография под ред. Анны Скотницкой и Януша Свежего. Краков, 2019. С. 37–49. (Seria Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego).

REFERENCES

1. Kuchina, T.G., Akhapkina, D.N. “Konvertirovat bytie v slovo”: *Homo scribens v proze Evgeniya Vodolazkina* [“To Convert Being into a Word”. *Homo Scribens in the Prose of Evgeny Vodolazkin*]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University]. 2016, Vol. 22, No. 6, pp. 105–108. (In Russ.)
2. Soldatkina, Ya.V. *Motivy prozy A.P. Platonova v romane E.G. Vodolazkina “Aviator”* [Motives of A. P. Platonov’s Prose in E.G. Vodolazkin’s Novel “Aviator”]. *Rhema. Rema* [Rhema. Rema]. 2016, No. 3, pp. 19–28. (In Russ.)
3. Neklyudova, O.A. *Karta kontekstov. Roman E. Vodolazkina “Lavr”* [Map of Contexts. Roman E. Vodolazkina “Lavr”]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2015, No. 4, pp. 119–130. (In Russ.)
4. Petukhova, E.N. *Literaturnyj kontekst romana Evgeniya Vodolazkina “Aviator”* [Literary Context of Evgeny Vodolazkin’s Novel “Aviator”]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University]. 2021, No. 1 (34), pp. 49–55. (In Russ.)
5. Tchaikovsky, I.I. *Vozvrashchenie aviatora. Evgenij Vodolazkin. “Aviator”* [The Return of the Aviator. Evgeny Vodolazkin. “Aviator”]. *Znamya* [Banner]. 2017, No. 2. [URL: <https://rg.ru/2015/02/17/sfl-site.html>]. (In Russ.)
6. Mandelstam, O.E. *Pismo o russkoy poezii* [Letter about Russian Poetry]. Mandelstam, O.E. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 Vols.] Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 263–266. (In Russ.)
7. Vodolazkin, E.G. *Aviator* [Aviator]. Moscow, AST Publ., 2016. 410 p. (In Russ.)
8. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenij v 10 t. T. 10. Peterburgskij buerak* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 10. Petersburg Buerak]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2002. 592 p. (In Russ.)
9. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenij v 10 t. T. 5. Vzvihrennaya Rus* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 5. The Swirling Rus]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000. 688 pp. (In Russ.)
10. Zamyatin, E.I. *Sobranie sochinenij v 5 t. T. 1. Uezdnoe* [Collected Works in 5 Vols. Vol. 1. County]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2003. 608 p. (In Russ.)
11. Pilnyak, B.A. *Sobranie sochinenij v 6 t. T. 2. Mashiny i volki: Roman; Povesti; Rasskazy* [Collected Works in 6 Vols. Vol. 2. [Machines and Wolves: Novel Stories; Short Stories]. Moscow, TERRA Publ., 2003. 527 p. (In Russ.)
12. *Literaturnoye nasledstvo. T. 92. Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniya v 4 kn.* [Literary Legacy.

- Vol. 92. Alexander Blok: New Materials and Research in 4 Books]. Book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982. 860 p. (In Russ.)
13. *Literaturnoye nasledstvo. T. 92. Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniya v 4 kn.* [Literary Legacy. Vol. 92. Alexander Blok: New Materials and Research in 4 Books]. Book 2. Moscow, Nauka Publ., 1981. 414 p. (In Russ.)
 14. Gracheva, A.M. *Mezhdru Svyatoj Rusyu i Sovetskoj Rossiej. Aleksej Remizov v epokhu Vtoroj russkoj revolyutsii* [Between Holy Russia and Soviet Russia. Alexey Remizov in the Era of the Second Russian Revolution]. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenij in 10 t. T. 5. Vzvihrayonnaya Rus* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 5. The Swirling Rus]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000, pp. 589–604. (In Russ.)
 15. Platonov, S.F. *Drevnerusskie skazaniya i povesti o Smutnom vremeni XVII veka, kak istoricheskij istochnik* [Old Russian Legends and Stories about the Time of Troubles of the 17th Century, as a Historical Source.]. St. Petersburg, 1888. 372 p. (In Russ.)
 16. Vodolazkin E.G. *Vsemirnaya istoriya v literature Drevnej Rusi (na materiale hronograficheskogo i palejnogo povestvovaniya XI–XV vv.)* [World History in the Literature of Ancient Russia (Based on the Chronographic and Paleological Narrative of the 11th–15th Centuries)]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008. 488 p. (In Russ.)
 17. Abasheva M.P. *Chto znachit byt' znakovym pisatelem: Evgenij Vodolazkin v kontekste russkoj prozy* [What it Means to be an Iconic Writer: Evgeny Vodolazkin in the Context of Russian Prose]. *Znakovye imena sovremennoj russkoj literatury. Evgenij Vodolazkin* [Iconic Names of Modern Russian Literature. Evgeny Vodolazkin]. A Comprehensive Monograph Edited by Anna Sotnitskaya and Janusz Fresh. Seria Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego. Krakow, 2019, pp. 37–49. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 28 июля 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 4 августа 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2023 г.
Дата публикации: 31 декабря 2023 г.

Received by Editor on July 28, 2023
Revised on August 4, 2023
Accepted on October 15, 2023
Date of publication: December 31, 2023